Июльские напевы

Виктория Артамонова

Виктория Артамонова Июльские напевы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70595074 Self Pub; 2024

Аннотация

Эта книга для тех, кто любит лаконичные стихи. И ещё поломать голову над вопросами вроде: "Кто я?", "Что происходит со мной?" и "Зачем всё это?". Стихи писались в период с 1996 по 2021 годы. Публикуются впервые, за исключением стихотворений 7 и 9, которые были переведены на итальянский язык и опубликованы в сборнике Antologia poetica a cura di Giuseppe Vetromile "Ifigenia siamo noi", изданном в Неаполе в 2014 г.

Содержание

1	4
2	6
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12

Виктория Артамонова Июльские напевы

1

Я – вода. И ты не знаешь Берегов моих. Глядя сквозь меня, теряешь Тяжесть дум своих. Брось монетку -Пусть, сверкая, Упадет на дно. Вероломно обещаю С нею заодно: Я блесну и вновь погасну, Увлекая вдаль, Встреча будет не напрасной, Ничего не жаль! Я – вода, и ты не знаешь Берегов моих, И найдёшь, и потеряешь В пене волн моих. С облаков в ладонь слетаю,

По щеке качусь, Навсегда с тобой прощаясь, Я опять вернусь.

Я встретила прекрасное... многоголовое. Я встретила умнейшее... многоголовое. Я встретила несчастное... многоголовое. И полюбила. Дышало горячо, шептало ветрено, у ног лежало, жаля трепетно, Огнем ворчало, выворачивая сердце мне. Лизало пламенем, касалось зубом каменным. Распластано, небольно ранило, плело мне косы ласковыми лапами, несло над пропастью, слезами капало, качало лодками, неутомимое, многоречивое... Многоголовое меня похитило, под шерстью спрятало, теперь – невидима... Я им проглочена,

я им захвачена,

растворена и вся истрачена...

Любовь не проходит, она превращается в иглы, холодные ломкие иглы декабрьского снега. Потом превращается в толстые-толстые книги, а жизнь пробегает в окне, задыхаясь от бега. Движенье – покой, остановка. И снова – движенье, уже не моё, не моей затопляемо болью. Что скажут они, узнавая друг друга скольженье, и что назовут, отдаляясь, любовью, любовью?..

Милый друг, мой товарищ, когда же играть ты меня позовёнь? Неужели пора повзрослеть, разойтись по домам, по дворам? Неужели зовёт, и тебя не догнать, грустным голосом в дом твоя мёртвая мать? Неужели, боясь потревожить отца, я тихонько стою на ступенях крыльца? В том саду, где играли мы, тысячу лет льётся жёлтым дождём лунный призрачный свет...

Когда же закончилось вино в кувшине?... Так незаметно выпили его... Последние глотки были воспоминанием о первых. Когда же закончилось вино в кувшине? Первый глоток... был прохладным и пряным, снаружи глина была влажна, пегкий запах земли Не предвещал ли, что это вино закончится? Были первые капли, как кровь встревожился лес, ликует охотник!.. Когда же закончилось вино в кувшине? Последняя капля была почти пресной, тёплой...

когда она появится из своего глиняного убежища...

2010 г.

Долго ждали,

Ты взглянул. Всё стало безразлично. Лопнул сердца красно-синий шар. Покатил по колее больничной Всемогущий белый санитар. Нет ни крови. ни ручьёв, ни чисел, Ни земли, ни ярости, ни слов. Чёрной ласточкой остановилась в выси. Не видна почти, растаяла любовь.

Я в дом вхожу, Дом входит в сад, В дорожки света, В кольца тени. Как-будто шёпот – в тишину, Как-будто трещины – в ступени. Как-будто я – в тебя вхожу. Но что могу я знать об этом? За утешением и светом Я в дом вхожу.

Между жаждой жить и тем колодцем, Что затерян в частоколе леса, Тонкие тропинки завязались, Девственные заросли прорезав,

Диких птиц испуганные крылья, Веток хруст и беспокойный ветер Между жаждой жить и тем колодцем, Что до края полон жаждой смерти.

Ноги идут по краю, Идут, играют Волны с кожей, Так похоже, Что утро, Никто не умер Под ступнями, А за камнями, Что чёрны, голы, С узким горлом Кувшин прилёг И движенье ног Запоминает.

В солнечном свете Купается старушка, Как воробей В бликах солнечных луж. Светлый поток Захватил её волосы, Руки и чёрное платье её. Маленький мальчик замер, как Циферблаты колёс его велосипеда. Люди плывут Под музыку вальсов, Нежных мазурок И плачущих танго. В солнечном свете Плещется старушка. С лицом, как исписанная И смятая бумага.

11

С тех пор, как научили меня называть предметы, прищёлкивая подобно птице языком, я стал сумасшедшим, почти поэтом, почти счастливым, почти дураком...

Я поселился на книжных полках в огромном доме отцов моих дедов и слышал плеск речного шёлка и вздохи бедных, умиравших далеко от книжных полок...

Я думал долго и мучительно перед тем, как покинуть мою землю. Я хотел нанять учителя, но долги не дали мне это сделать.

И тогда я нашёл неуклюжую птицу, клокотавшую чужим языком. С глазами моей матери, с запахом земли,

по которой я шёл босиком.

И я учился забывать имена предметов, и плеск, и вздохи...
И только блеск её круглых глаз Будил меня, так и не ставшего поэтом, ушедшего, потерявшего над миром власть...

Мне представился месяц июль Красной крапивы рекой И облаком жалящих ос Над деревом нашей любви.

13

Удаляю, что от нежности осталось, Что вдруг чуждым и ненужным оказалось. Умаляю. Ни о чём не умоляю. Убиваю. Ни на что не уповаю. Улетаю. Возвращаюсь. Улетаю. Забываю. Напеваю. Навеваю.

Все сезоны сошлись:
Шорох осени,
Томность багряная лета,
Робость зыбкой весны,
И лохмотья усталой зимы.
Не спеши, оглянись:
В ветхом коконе
Плачут невольники где-то,
Прячут головы в сны,
Это тоже прошедшие мы.

Мне не хотелось дотронуться, Шелесту глаз внимая. Звёзды – далёкие Солнца, В пальцах – волна живая. Мне не хотелось дотронуться, В речке искристой выкупаться, Звёзды – далёкие Солнца, Им из груди не вырваться.

16

Чотто курит, Он долго курит, Я сижу у ног его, О чём-то думает, Вьётся дым. Как статуя, Чотто спокоен. Я дышу его дымом, Чотто курит, Чотто болен, Я сижу у ног его.

Я – живу, – раздался голос в эфире.
 Резкий,
 сквозь гул.

- Вас плохо слышно, повторите ещё раз!
- Я ЖИВУ!
- Вас услышали.

На сегодня достаточно.

Осмотритесь.

...Высокие золотые травы вокруг, И ветер... тёплый и терпкий, коса в руках Просится вкруговую! Эх!!!! ЖИВУ Я!!!!!